

СУВЕРЕННОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ НАГОРНОЙ ПРОПОВЕДИ И БХАГАВАДГИТЫ)

Аннотация. Проблематику данной статьи можно охарактеризовать следующим образом: это вопрос о том, насколько Суверенность, понятая через призму Батаевской философии, конституирует религиозный опыт в различного рода учениях, конституирует ли она этот опыт вообще. Отсюда вытекает основная гипотеза данной статьи, которая заключается в предположении, что Суверенность является универсальным религиозным опытом, который присущ религии как таковой. Выше обозначенная цель подразумевает в качестве задач формулировку Батаевской Суверенности и рассмотрения традиционных религиозных текстов через призму суверенности, рассмотрения, которое позволит в той или иной степени доказать или опровергнуть изначальную гипотезу.

Ключевые слова: суверенность, имманентность, сакральное, профанное, интимность, трата, жертвоприношение, атеология.

Актуальность данной статьи состоит в том, что в ней произведена попытка нахождения параллелей между философской рефлексией последних лет и традиционными религиозными учениями; тем самым, с одной стороны, достигается переосмысление религиозных текстов как сохраняющих свою актуальность, с другой – современная философская рефлексия рассматривается под углом теистического контекста, что позволяет сблизить эти дискурсы между собой. В немалой степени именно поэтому используется понятийный аппарат Батая: он представляется философом и теоретиком религии, который воплотил в своих концептах с одной стороны современные философские направления, а с другой оказался глубоким исследователем в пространстве религиозноведческой проблематики, тем самым сделав свои концепции смежным звеном между религией и современной философской мыслью.

Хотелось бы подчеркнуть, что Нагорная проповедь и Бхагавадгита были выбраны исключительно с целью демонстрации принципа суверенной этики и доказательства относительной универсальности этого принципа, который работает в самых разных религиозных обществах, от буддийского до ацтекского. Так же рассмотреть именно эти тексты особенно интересно, поскольку сам Батай не рассматривает их в своих работах.

Отталкиваясь от Батаевского скольжения по поверхности письма, можно попытаться описать суверенность следующим образом: суверенность – это специфический модус человеческой экзистенции; суверенность – не факт, не сущность, но событие, акт: суверен – это абсурд, если он пытается длиться. Характер существования суверенности в человеке сродни существованию в нем дикого зверя, достигшего интимности, преодолевшего, хотя бы на миг, мир труда и проекта, расточающего, дарящего и раздающего и в этом смысле всегда нищего, не имеющего «капитала». Суверенность – это открытость присутствия, божественная легкость, идущая под руку с божественным безумием. Суверен утверждает настоящее в ущерб будущему, его «да-сказание» этому миру всегда здесь и сейчас. Мгновение, уничтожающее рабство, подчиненность порядку вещей – в этом скрадывается содержание суверенного состояния.

Суверенность – состояние человека, ставшего сакральным для профанного мира, т.е. человека, преодолевшего запрет, профанацию; состояние того, кто растратил, тем самым выйдя за пределы порядка труда [4, с. 287]. Природа Суверена также проясняется в его диалектическом отношении к рабу: суверен идет на риск, смотрит в лицо смерти, тогда как раб – трус, ищет компромисса с профанным, целиком во власти профанного и избегает присутствия через столкновение с собственной конечностью.

Батай стремится описать этот опыт, описать атеологично, и при этом подчеркнуть возможность сакрального сродни суверенности, вне всякой теологии даже внутри самой теологии, например, внутри Евангелических текстов: «Евангелическая мораль – это, можно сказать, от начала до конца мораль суверенного момента» [1, с. 315], «Евангелие остается самым простым, самым человеческим «учебником суверенности»» [1, с. 315]. Итак, попробуем найти для этой батаевской интуиции должную аргументацию, поскольку в его тексте эти мысли звучат скорее как предположения.

Нагорная проповедь открывается словами: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» [Мф. 5:3]. Это были первые слова Христа, обращенные к людям, согласно преданию. Что же есть эта нищета, которой открывается божественный мир? Мейстер Экхарт предлагает такую трактовку: «Тот нищ, кто ничего не желает, ничего не знает и ничего не имеет» [6, с. 151], «человек должен быть нищим волей и желать так мало, как мало желал он тогда, когда не был» [6, с. 153]. Вновь обратимся к Батаю: «чистую суверенность я определяю как чудесное царство не-знания» [1, с. 317] «Суверенность есть НИЧТО, и я старался показать, как тяжело было сделать из нее вещь» [1, с. 357]. Суверенность есть в некотором смысле невыразимое состояние, сообщить которое в немалой степени и стремится апофатика, в том числе в лице Экхарта, когда тот пишет о слиянии человеческого и божественного Ничто. Суверен не властвует и не подчиняется миру вещей; он

имманентен становлению, непосредственному, потому скорее он выходит за пределы вещественного мира, становясь в нем все равно, что Ничто.

Одной из базовых характеристик суверенности, как уже было сказано, является то, что она ввергает в настоящее, в существование вне проекта, который требует идти к нынешнему исходя из будущего. В Нагорной проповеди проект также отвержен: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» [Мф. 6:34]. Отбросить заботу, отбросить мысли о будущем, попытки стать лучше, «прибавить себе росту хотя бы на локоть» [Мф. 6:27], значит, наконец, пользоваться настоящим, не имея в виду ничего, кроме него.

«Не хлебом единым жив человек» [Мф. 4:4], и он может, как птицы небесные и лилии полевые, встать по ту сторону принуждения и труда, быть здесь, то есть быть божественно, стать суверенным ничто и обрести в этом царствие божье.

В качестве дополнительного примера, подтверждающего, что сакральный опыт суверенности в каком-то смысле универсален и, так или иначе, пронизывает религиозные тексты в их целокупности, хотелось бы привести в пример древний индийский эпос, не имеющий с евангельской проповедью каких-либо прямых исторических связей.

Бхагавадгита предлагает помыслить каждое действие как жертву, жизнь – как постоянную растрату своей психофизиологической энергии в единомоментном акте разрушения. «Не плодов ты желай, а деянья, а ради плодов прекрати ты страданья», «Отвергнув плоды, сбросив путы рожденья, достигнешь Бесстрастия и Освобождения», «Когда человек, от желаний свободный, Подвержен лишь радости, в нем заключенной...», «Оковы для мира – бездушны и мертвы, Дела, что свершаются не ради жертвы» [5].

Батай в «Теории религии» углубляется в содержание акта жертвоприношения: «Жертвоприношение разрушает реальные узы подчиненности объекта, исторгает жертву из мира пользы и водворяет ее в мир недоступной разуму прихоти» [2, с. 68]. Через жертвоприношение происходит возврат к имманентной сокровенности, через отрицание утилитарного порядка «мира вещей». Благодаря смерти, акту разрушения, совершаемого в жертвоприношении, жизнь проявляется в своей первозданной полноте, поскольку деструкции подвергается само время, сама длительность; жертвоприношение есть бунт против необходимости, соподчиненности, протяженности времени; вспышкой насилия оно стремится вернуть утраченную вечность настоящего. В этом отношении «Жертвоприношение – антитеза производства, совершаемого ради будущего, это истребление богатств, представляющее интерес лишь в данный момент» [2, с. 71].

Сходное понимание «жизни как жертвы» мы находим и в Бхагавадгите, призывающей отказаться от цели, от плодов действия. Фактически, в учении Бхагавадгиты теистический смысл жертвы (как и в буддизме) второстепенен, или вовсе отсутствует. Каждое действие предлагается помыслить в свете своей конечности: в каждом мгновении жизни мы умираем, погружаясь в него, как в самостоятельную сингулярность, как в морскую воронку, в которой погибаешь и после которой возрождаешься вновь, выплывая на берег. Череда бессвязных, ужасающих своей насыщенностью сновидений, в каждом из которых человек пребывает на пределе своей вовлеченности, подобно игре, азартной и смертоносной – таков путь, предлагаемый древним эпосом.

Действие как жертва подразумевает под собой предельную собранность, серьезность поступков. Пафос Бхагавадгиты максималистичен – окончательно изъав себя из мира вещей, мира пользы и длительности, отдаться смерти, которую приносит сиюминутность, уподобившись озверевшим детям или поэтам.

Подводя итоги, можно сказать, что в статье весьма наглядно был продемонстрирован тот факт, что различные, хронологически и географически оторванные друг от друга религиозные учения проповедуют то, что, используя батаевскую терминологию, можно назвать этикой суверенности. Тем самым, суверенный опыт может быть признан в немалой степени тождественным религиозному. Можно утверждать, что изначальная гипотеза нашла свое, по крайней мере, частичное, подтверждение.

Библиографический список:

1. Батай Ж. Суверенность // Проклятая часть. М. : Ладомир. 2006. С. 313–491.
2. Батай Ж. Теория религии // Проклятая часть. М. : Ладомир. 2006. С. 52–101.
3. Библия. Евангелие от Матфея, гл. 5–7.
4. Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Ж. Батая. М. : Новое литературное обозрение. 2018. С. 287.
5. Махабхарата. Рамаيانа. М. : Художественная литература. 1974. 608 С.
6. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. Спб. : Пальмира. 2016. С. 150–158.